

“На наличные
деньги он
берет рубль
двадцать
пять копеек,
в долг —
три рубля
и целковый”

Глава десятая

Ростовщики и их процентная ставка в мировой литературе

В “Божественной комедии” Ад — это девять концентрических кругов, воронкой спускающихся к центру Земли, и в каждом следующем мучения круче. Ростовщики помещены на кайму седьмого круга, где “огонь вонзает жала в лица”, дальше — воры, обманщики, насильники и самые ужасные преступники — предатели Иуда Искариот, Брут и приравненные к ним. У одного из ростовщиков на груди кисет, где “в желтом поле был рисунок синий”, у другого — алый, “подобно крови”, мешочек с белою гусыней, у третьего — белый кошелек с голубой свиньей, и всем им мошна как будто услаждает очи.

Если Данте отправляет ростовщиков преисподнюю, то есть к дьяволу, то Гоголь в повести “Портрет” (1833–1834) рисует самого ростовщика в образе дьявола — в соответствии с народным восприятием этого типа. В екатерининские времена в петербургскую Коломну пожаловал ростовщик — “восточный человек” в халате, личность поистине домоническая: “Никто не сомневался в присутствии нечистой силы в этом человеке. Говорили, что он предлагал такие условия, от которых дыбом поднимались волосы и которых никогда потом не посмел несчастный передавать другому; что деньги его имеют прожигаю-

шее свойство, раскаляются сами собою и носят какие-то странные знаки... все это коломенское население, весь этот мир бедных старух, мелких чиновников, мелких артистов... соглашались лучше терпеть и выносить последнюю крайность, нежели обратиться к страшному ростовщику; находили даже умерших от голода старух, которые лучше соглашались умертвить свое тело, нежели погубить душу. Встречаясь с ним на улице, невольно чувствовали страх”.

Отец рассказчика, художник, “всякий раз останавливался неподвижно, когда встречал его, и всякий раз не мог удержаться, чтобы не произнести: «Дьявол, совершенный дьявол!»” Вдруг ростовщик наведывается к художнику и заказывает свой портрет. Когда портрет окончен и выставлен на публику, никто не сомневается, что и впрямь был создан портрет дьявола: по картине видно, что рукой живописца водило демоническое чувство. Сам художник тоже начинает верить в дьявольскую силу его произведения.

Похоже, ассоциации ростовщика с дьяволом были весьма распространены. В повести Достоевского “Кроткая” (1876) ростовщик сам почему-то упоминает черта. К нему пришла девушка лет шестнадцати, оставшаяся без родителей, чтобы заложить свои скудные пожитки, и это случается уже не в первый раз. Ростовщик почти влюблен в нее и старается завязать какой-нибудь разговор:

— Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...

Она быстро и с большим любопытством, в котором, впрочем, было много детского, посмотрела на меня:

— Постойте... Что это за мысль? Откуда это? Я где-то слышала...

— Не ломайте головы, в этих выражениях Мефистофель рекомендует Фаусту, “Фауста” читали?

— Не... невнимательно.

— То есть не читали вовсе. Надо прочесть. А, впрочем, я вижу опять на ваших губах насмешливую складку. Пожалуйста, не предположите во мне так мало вкуса, что я, чтобы закрасить мою роль закладчика, захотел отрекомендоваться вам Мефистофелем.

В нелицеприятном свете выставлен еврейский ростовщик и Пушкиным в “Скупом рыцаре” (1830). Он не сравнивается с дьяволом, но ушел от него не очень далеко. Альберт, сын богатого барона — скупого рыцаря, протратился и хочет занять денег. Залога у него нет. А под честное слово ростовщик не дает: пока Альберт жив, его слово “много значит”, но случись с ним что, и оно станет подобно ключу от брошенной в море шкатулки. У ростовщика, однако, находится выход — он предлагает отравить отца зельем, которым может снабдить Альберта “знакомый старичок, аптекарь”, а когда Альберт отказывается, делает вид, что пошутил.

Ростовщиков подвергали остракизму с незапамятных времен — и государство, и церковь. В Средние века христианство считало ростовщичество формой грабежа, то есть грехом. В роли ростовщиков обычно выступали евреи, и образы ростовщиков-евреев в мировой литературе не слишком милосердны к своим прототипам. Впрочем, эта традиция восходит к Библии: во время Исхода Моисей отлил из украшений золотого тельца, этому идолу вдруг стали поклоняться, и библейский телец превратился в символ наживы, власти, денег, богатства и алчности.

В иудаизме, как и в христианстве, ростовщичество тоже считалось грешным делом, но евреям было разрешено ссужать

под проценты христианам и сарацинам (арабам), чтобы не вовлекаться в еще больший грех — взимание процентов с единоверцев. Именно поэтому большинство ростовщиков были евреями (а еще потому, конечно, что в большинстве христианских стран им веками запрещалось заниматься другими профессиями). Впрочем, христианам тоже позволялось давать деньги в рост сарацинам.

В Средние века правовой защиты ростовщиков не существовало. Опустошить карманы заимодавцев мог любой рыцарь — по праву сильного. Приходилось всячески лавировать и скрывать наличие денег. Ростовщик Исаак, один из героев романа Вальтера Скотта “Айвенго” (1819), действие которого происходит в XII веке, возвращаясь домой из дальних странствий, попадает в руки рыцарей, следующих на турнир. Те, обзывая его нечестивым псом, обвиняют Исаака в желании “своим лихоимством вытянуть все силы из дворян”. Исаак пытается убедить их, что у него нет “ни одного шекеля, ни одного серебряного пенни”, но рыцари не верят и собираются отобрать деньги, когда тот уснет. Предупрежденный о готовящемся покушении на его кошелек “добрым пилигримом”, под видом которого путешествует рыцарь Айвенго, Исаак с его же помощью бежит из замка, где компания остановилась на ночлег. Как только беглецы пересекают ров, Исаак спешит “подсунуть под седло своего мула мешочек из просмоленного синего холста, бормоча все время, что это перемена белья, только одна перемена белья, больше ничего”.

По прошествии времени, снова отправившись в путь, на этот раз с дочерью — прекрасной Ревеккой, Исаак опять попадает в переplet. Он присоединяется к группе доброжелательно настроенных рыцарей — сторонников Ричарда Львиное Сердце, но путешественников захватывает в плен противник короля, местный рыцарь-разбойник, чей укрепленный замок служит тюрьмой для пленных. Рыцари содержатся с по-

четом, а из Исаака выбивают деньги: его собираются поджаривать на вертеле, как тушу животного, пока он не согласится “добровольно” расстаться со своим богатством. Атака на замок сподвижников Ричарда спасает ростовщика от адской пытки, но и на этом его мытарства не заканчиваются. Дочь Исаака оказывается в лапах храмовника — высокопоставленного члена религиозного ордена, который хочет насильно сделать ее своей женой, несмотря на то что Ревекка еврейка. Другие члены ордена не спешат остановить зарвавшегося брата и просят за Ревекку выкуп — “налом” и благотворительными взносами: если Исаак пожертвует что-нибудь на церковные нужды, “например, на пристройку общей спальни для братии”, они “возьмут грех на душу и помогут ему выручить дочь”. Произвол останавливает вмешательство благородного Айвенго.

Во времена Ричарда Львиное Сердце еще не был изобретен вексель — он стал широко использоваться еврейскими ростовщиками с XIII века. Сначала векселя были именными, а в начале XV века, согласно Вернеру Зомбарту, автора исследования “Евреи и хозяйственная жизнь” (1911), в Венеции появился вексель на предъявителя. В результате отпала нужда возить с собой наличные, рискуя жизнью, и был изобретен способ утаивания богатства. Многие стали держать его в векселях, которые позволяли переводить капитал из страны в страну и быстро восстанавливать экономический статус после очередных притеснений и гонений.

С конца XIII до середины XVII века в Англии верующие евреи и вовсе были лишены права жительства, а те немногие, кто там все-таки обосновался, являлись иностранными подданными. В начале той эпохи евреи в большом количестве переселяются в Испанию и Португалию, а оттуда позднее — в Венецию, где

отношение к ростовщикам более либеральное. Исаака сменяет Шейлок — герой шекспировского “Венецианского купца”.

Действие пьесы происходит в конце XVI века. В это время Венеция все еще экономическая сверхдержава, но ее могущество на излете. Невзирая на религиозные предрассудки, следуя старому принципу “деньги не пахнут”, в IX веке она начала торговать с сарацинами, которые господствовали на восточном рынке вплоть до XVI века. Венецианцы экспортировали рабынь, железо, дерево; все население города жило торговлей, возник класс богатых купцов. В XII веке Венеция — крупная морская держава, избавившая Адриатику от пиратов, утвердившаяся на всем восточном побережье Италии, победившая многих конкурентов с западного и монополизировавшая торговлю в восточной части Средиземного моря. В XIV веке город начинает торговать с Фландрией и Англией.

Вместе с торговлей развивается необходимая для нее инфраструктура. Возникают судостроительные верфи, появляются морские брокеры, чеканится монета, получившая широкое хождение в Европе и Леванте, создаются мощные банки и крупные торговые компании. В XIII веке в обращение внедряется тот самый вексель — финансовая инновация своего времени. В XIV столетии создается биржа, начинают торговаться гособлигации. В начале XV века Венеция, завоевав территории на материке (до того ее власть распространялась на островные и прибрежные земли), получает серьезные доходы и от земледелия.

В 1509 году город, потерявший земельные владения и нуждающийся в деньгах, пересматривает жесткую политику недопущения на свою территорию иноверцев. Власти за большую мзду, причем ежегодную, разрешают селиться в Венеции евреям, в основном ростовщикам, купцам и врачам. Венецию наводняют сыны Израилевы, проживавшие на территории современной Германии, изгнанные из Испании в 1492 году,

подвергшиеся принудительному обращению в христианство в Португалии в 1497-м, беженцы из Константинополя и Салоник — важнейших коммерческих центров Оттоманской империи.

Евреям предписано жить в гетто. Им разрешается вести бизнес старьевщиков — иметь “лавки-комиссионки”, открывать ростовщические конторы для обслуживания бедных горожан. На самом деле среди клиентуры этих контор не только беднота — в “Венецианском купце” ростовщик Шейлок кредитует как раз знать. Социально окрашенная риторика нужна городским властям для оправдания либерализма (по меркам того времени) по отношению к еврейским коммерсантам: папа римский такую лояльность не приветствует. Венеции приходится лавировать — деловая активность еврейской общины призвана приносить немалые деньги в казну, да и сам город занимает у ростовщиков во время голода или войны.

Если в начале XVI века евреям выдавали “вид на жительство” в Венеции на пару лет, то к концу столетия — уже на четверть века. Вдобавок еврейским купцам разрешили вести торговлю с Левантом: город конкурировал с множеством европейских портов, пытаясь завязать на себя торговлю Оттоманской империи с Европой, и с готовностью давал “прописку” левантийским купцам, имевшим налаженные контакты на Востоке. Еврейские купцы и ростовщики сохраняли свои привилегии до падения Венеции как самостоятельного государства в 1797 году¹.

Ростовщичество в Венеции и других итальянских городах строго регулировалось местными властями. Право заниматься кредитованием нужно было покупать, уплачивая каждый год

1. Дополнительную информацию относительно юридического статуса еврейских ростовщиков в Венеции можно найти в статье: RAVID B. *Legal Status of the Jewish Merchants in Venice, 1541–1648* // *The Journal of Economic History*. 1975. V. 35. № 1. P. 274–279.

фиксированный налог. Это ограничивало конкуренцию и давало квазимонопольное положение купившим лицензию. Власти устанавливали и размеры процентной ставки. Согласно дошедшим до нас разрозненным данным, в XIV–XV веках в разных городах она варьировалась от 10 до 60 % годовых. Высокий процент устанавливался там, где город хотел взимать с ростовщиков побольше налогов. Кроме того, он мог временно разрешить брать с частных заемщиков повышенные проценты в качестве компенсации упущенной выгоды, если сам занимал по ставкам ниже рыночных. Самые низкие ставки, законодательно установленные для частных заемщиков, 10–12 % годовых, как раз характерны для богатой, жившей не только за счет поборов с кредиторов Венеции. Сама она в конце XV — начале XVI века и вовсе занимала под 4–5 %. Процентная ставка могла зависеть от размера займа и типа залога.

Согласно теории кредита, при нерегулируемом бизнесе процентная ставка зависит от надежности и платежеспособности заемщика. Еврейские ростовщики всегда устанавливали процент на уровне верхней разрешенной планки, а от качества заемщика зависели другие условия займа — в первую очередь соотношение его размеров и стоимости залога, который требовался в большинстве случаев, так как к гарантиям третьей стороны прибегали редко. Принимали одежду, обувь, украшения, рабочие инструменты, оружие. Городские власти категорически запрещали давать деньги в рост под залог земли, чтобы еврейские ростовщики не аккумулировали большие земельные владения, но к этому не очень стремились и сами “старики-процентщики”: богатство нужно было держать в ликвидной форме на случай, если возникала необходимость срочно покинуть город.

В Тоскане, где уровень экономического развития и экономические отношения были схожи с венецианскими, около двух третей населения пользовалось кредитами. Их брали под оборотный капитал для покупки молодняка скота, приданого

дочерям и внукам, да и просто “на потребительские нужды” в плохой год. Средний размер займа был огромным — приблизительно равным годовой зарплате флорентийского рабочего. Доля еврейских ростовщиков в общем объеме кредитования населения в Тоскане оценивается приблизительно в 10%. Можно предположить, что в Венеции она была примерно такой же, но ростовщики были очень влиятельны. Сила еврейских ростовщиков определялась тем, что их богатство всегда держалось в звонкой монете — его размер не был подвержен колебаниям из-за плохой погоды, нападения врага или изменения налогов на землю¹.

Кроме того, еврейские ростовщики поддерживали тесные социальные и экономические связи между собой, благодаря чему могли делить риски и при необходимости привлекать внешний капитал — заимодавцы объединялись в негласные партнерства, чтобы быстро перекидывать средства между городами. Но все равно они оставались чужаками.

В шекспировской пьесе богатый венецианский купец Антонио снаряжает в путь несколько торговых кораблей. Это масштабная операция, доступная только очень состоятельному человеку. Вдруг выясняется, что Бассанио, верный друг Антонио, надумал жениться на богатой и хочет “с честью выйти из больших долгов, в какие мотовство его втянуло”, для чего ему нужно перекредитоваться. Антонио решает помочь другу, но свободных средств нет, и он просит Бассанио узнать, что может сделать его “кредит” (репутация заемщика), собираясь выжать его “весь и до предела”.

¹ См. подробности: BOTTICINI M. *A Tale of “Benevolent” Governments: Private Credit Markets, Public Finance, and the Role of Jewish Lenders in Renaissance Italy* // *The Journal of Economic History*. 2000. V. 60. №1. P. 164–189.

Бассанио мчится к ростовщику Шейлоку и просит 3 тыс. дукатов на три месяца с поручительством Антонио по векселю. Это около полумиллиона сегодняшних долларов при пересчете через золотой эквивалент дуката — смешные деньги с учетом размаха операций Антонио. Шейлоку поручительства мало: Антонио — хороший, то есть “состоятельный” человек, но его “капитал весь в надеждах”. У него одно судно плывет в Триполи, другое — в Индию, третье сейчас в Мексике, четвертое — в Англии, остальные суда тоже разбросаны по миру. Это все риски: “корабли — это только доски, а моряки — только люди; а ведь есть и земляные крысы, и водяные крысы, и сухопутные воры, и водяные воры, то есть пираты; а кроме того — опасности от воды, ветра и скал”.

Как же прав Шейлок! Во времена Шекспира корабли являлись плохим залогом, ведь опасности заморской торговли были велики и связаны отнюдь не с рыночной конъюнктурой, а с тем, что суда зачастую не возвращались из дальних плаваний. Шейлока залог кораблей не может защитить. Процентная ставка ограничена, а залога и вовсе нет. Чем еще взять свое Шейлоку? Остался один параметр, которым он может играть при составлении кредитного договора, — неустойка при просрочке.

И Шейлок назначает такую: “Фунт вашего прекраснейшего мяса, чтобы выбрать мог часть тела я любую и мясо вырезать, где пожелаю”. Эта неустойка должна “насытить месть” Шейлока, которому Антонио “ненавистен”, ведь “взаймы дает он деньги без процентов и курса рост в Венеции снижает”, а еще Антонио “ненавидит народ священный” — со всеми вытекающими.

Антонио согласен: в ближайший месяц он должен получить в десять раз больше. Но жизнь идет не по его сценарию. Вскоре появляются слухи, что “корабль Антонио с богатым грузом потерпел крушение в Узком проливе”. Кредиторы Антонио, приехавшие в Венецию, клянутся, что он должен неминуемо обанкротиться. Слухи множатся:

Ужель погибло все, без исключения?..

И ни один корабль не спасся?

Все разбились об утесы, грозу купцов?

Вексель просрочен, а Шейлок неумолим. В двадцать раз дороже номинала выкупить вексель готова невеста Бассанио — Порция, но Шейлок отвергает эту сделку: “хочет получить он лучше мясо”. И не просто мясо — сердце! Шейлок навещает дожа, который по совместительству является верховным судьей, “твердит, что попрана свобода будет в Венеции, когда ему откажут”. Антонио на защиту дожа и не надеется: “Не может дож законы нарушать: ведь он, отняв у чужестранцев льготы, в Венеции им данные, доверье к законам государства подорвет; а наши и торговля и доходы — в руках всех наций”. Экономическое благополучие Венеции действительно в руках других стран, потому что собственных ресурсов у нее нет, страна исполняет роль торгового хаба, а торговля легко может переместиться в другой морской порт. Шекспир напоминает, что для притока инвестиций в страну нужен хороший инвестиционный климат. И это в XVI веке!

Дождь пытается образумить Шейлока, надеясь, что тот “сохранит видимость злодейства до развязки дела”, но Шейлок тверд как скала и демонстративно точит нож, “чтобы резать у банкрота неустойку”. Выход из положения находится через софистику: вспоминают, что в договоре речь идет о мясе, но не о крови, и Шейлоку грозят тем, что, если он прольет “хоть каплю христианской крови, его добро и земли по закону к республике отходят”, плюс ему нужно отрезать “не больше и не меньше... чем фунт”.

Выход из положения все же есть — его находит сомалиец Фарах, которому пересказывает сюжет пьесы датская писательница Карен Бликсен в автобиографическом романе “Прощай, Африка!” (ее разговор с Фарахом имел место в 1940-е).

По мнению Фараха, условие сделки относительно фунта мяса было “несколько оригинальным, но вполне реальным; люди могли пойти и на такое”. Более того, компенсация за невыплату долга кажется Фараху неадекватной:

...Фарах явно больше всего сочувствовал Шейлоку, который потерял свои деньги; он возмущался его проигрышем. — Как? — сказал он. — Этот еврей отказался от своего иска? Он не должен был так поступать. Ему полагалось получить этот кусок мяса, хотя он и не стоил таких денег. — Но что же ему оставалось делать, если он не имел права пролить ни капли крови? — Мемсаиб, — сказал Фарах. — Он мог раскрасить докрасна свой нож — тогда крови не будет. — Но ведь ему было разрешено взять ровно один фунт мяса — ни больше ни меньше, — сказала я. — ... Отрезал бы по кусочку, взвешивал бы на ручных весах, пока не добрал бы до фунта.

Ростовщику это решение не приходит в голову. В итоге дело поворачивают так, что Шейлок уже обвиняется в покушении на убийство — в этом случае имущество осужденного делится пополам между потерпевшим и республикой, а жизнь преступника зависит от милосердия бога. “Милосердный” бог дарит Шейлоку жизнь, но собирается конфисковать его имущество в пользу Антонио и государства, если тот не покается. Шейлок каяться не желает, и ему велят еще и христианство принять. Так жестокий ростовщик оказывается обобран и унижен властями, правда, благородный Антонио отдает свою долю в его имуществе дочери Шейлока и ее жениху. А чуть позже три корабля Антонио с богатым грузом возвращаются в гавань.

Насчет кровожадности ростовщика все не так однозначно. Процент по займу ограничен дожем, и, чтобы сделать условия займа рыночными, ростовщик может оперировать только неустойкой. Чем ниже процент, тем “кровожаднее” должен

быть ростовщик, если он ведет себя рационально. “Фунт прекраснейшего мяса” — это, конечно, перебор, но жесткость ростовщика вызвана в том числе политикой самого дожа, то есть имеет объективные экономические причины.

Кроме того, еще со времен Средневековья в христианской культуре взимать неустойку за просрочку кредита считалось моральным, тогда как проценты — нет. Иными словами, были предусмотрены лазейки, для того чтобы, соблюдая предписания церкви, деньги все же зарабатывать. Разрешалось также брать плату за то, что мы называем сейчас упущенной выгодой, и компенсировать траты (в том числе времени) на организацию займа. Неустойка могла быть очень высока — до 100 % суммы кредита. Шейлок, таким образом, действует по той схеме, к которой его подталкивает христианская религия.

Известные экономисты Луиджи Зингалес и Рагхурам Раджан в книге “Спасение капитализма от капиталистов” (2003) называют еще одну причину того, почему ростовщик должен быть беспощадным: “Романтики среди нас не могут или не хотят признавать логику данной финансовой операции. Они осуждают Шейлока, который приходит к Антонио забрать фунт его плоти, но не понимают, что это залог, давший венецианскому купцу возможность получить ссуду. Сделка является нелицеприятной из-за низкой, подлой натуры финансиста (кого же еще?) и его ненависти к заемщику... если бы не ужасная суть залога в «Венецианском купце» и не изначально напряженные отношения между сторонами, заключившими договор, залог был бы идеален. Ценность для займодавца представляют деньги, а не плоть заемщика, и он бы не стал забирать залог, если бы не отказ должника расплачиваться. Для заемщика его плоть чрезвычайно ценна, поэтому он не откажется

от своих обязательств с легкостью. Важно то, что Шейлок ненавидит купца, в противном случае он бы не захотел забрать фунт его плоти и сама эта угроза была бы неправдоподобной. Для того чтобы объявить сделку нечестной, вероятности печального исхода, когда финансист придет требовать залог, недостаточно”.

История о жестоком заимодавце, пытавшемся вырезать фунт плоти у неисправного должника, рассказывается во многих средневековых произведениях и, скорее всего, является историческим фактом. Ростовщики были озлоблены на должников, потому что подвергались гонениям и страдали от экспроприации почти во всех странах Европы (пушкинскому ростовщику из “Скупого рыцаря”, который помогает “всем рыцарям”, тоже “никто не платит”). Причину такого отношения обычно ищут в религиозной нетерпимости христианства — средневекового и эпохи Возрождения.

Однако современные экономисты указывают, что изгнание евреев из Англии, Португалии и Испании в первую очередь являлось своеобразной формой реструктуризации кредитов. Знать сначала набирала долгов, а когда накапливалась критическая масса — должники не могли или не хотели расплачиваться, — кредиторы-евреи изгонялись под каким-нибудь благовидным предлогом.

Блестящую интерпретацию “Венецианского купца” дает канадская писательница Маргарет Этвуд в книге “Долг. Долги и темная сторона богатства” (2008). По ее мнению, в пьесе “отражена эпоха Древнего Египта, когда сердце подлежало взвешиванию, и эпоха богини Юстиции, когда она с весами в руке стояла у входа в суд, и получающий залог владелец ломбарда, и сомнительный письменный договор”.

Этвуд задается вопросом: понимал ли Шекспир, что “Шейлок и Антонио — это Тени друг друга?” По мнению Этвуд, с Шейлока нужно снять обвинение в стяжательстве, ведь “ему предлагают в три раза больше денег, чем сумма долга, чтобы выкупить у него этот фунт мяса, но он отказывается”. Для Шейлока, когда он просит фунт мяса, важны не деньги, а месть. Здесь Этвуд цитирует книгу Джеймса Бьюкена “Замороженное желание” (1997) о природе денег, автор которой отмечает: “Фунт мяса не может обладать залоговой ценностью, ибо его нельзя изъять и обратить в деньги... Это безумная и первобытная расплата... при которой деньги не компенсируют оскорбление, нанесенное телу. Мы имеем дело не с деньгами, «связанными с кровью», а просто с кровью, заменяющей деньги, становящейся деньгами”.

Как “чужак”, посягающий на жизнь венецианца, Шейлок по действующему закону ставит под угрозу свою собственную жизнь. Порция и судья готовы его простить, если он станет христианином, но “Шейлок — далеко не Фауст, поскольку никаких сделок с дьяволом не совершает”. “Это, скорее, скряга, образ которого восходит к «римской новой комедии», переходит в средневековые нравоучительные пьесы, где присутствует в качестве персонажа, олицетворяющего грех стяжательства, и вновь появляется в качестве Панталоне в венецианской комедии дель арте и у Мольера в пьесе «Скупой». Однако, разделяя с этими персонажами некоторое внешнее сходство, Шейлок — другой. Прежде скряги на сцене были только скрягами. Но Шейлок — еврей, и это многое меняет... у Шейлока есть все законные основания позаботиться о крепких запорах на дверях своего дома, о сохранности своего имущества и безопасности дочери”.

Что касается Антонио, то тот “обычно интерпретируется как добрый малый, поскольку он раздает деньги и не берет за это процентов. Но можно ли это ставить ему в заслугу?”

Будучи христианином в той воображаемой «Венеции», он не имеет права брать ростовщические проценты! Ему нет нужды ссужать деньги. Но, поступая так, он тем самым подрывает бизнес Шейлока, причем не в качестве конкурента. Он вообще не занимается этим бизнесом, не извлекает прибыли, давая деньги в долг”.

Этвуд полагает, что его действиями руководит антисемитизм: “Он делает из Шейлока мальчика для порки, и именно за это Шейлок его ненавидит, а не потому, что не может ссужать деньги под более высокие проценты. <... > Антонио выступает в качестве бескорыстного ростовщика не потому, что он добр к нуждающимся, а из желания навредить Шейлоку и всем евреям-ростовщикам, а в их лице — всем евреям”.

Антонио и Шейлок нарушают установки тех религий, которые исповедуют. “Антонио нарушает главную заповедь христианства: возлюби ближнего твоего, как самого себя. <... > Шейлок — ближний, но Антонио не хочет видеть в нем такового”. Шейлок “нарушает закон Моисея, зафиксированный во Второзаконии, который гласит, что нельзя брать в залог то, без чего человек существовать не может”. Этвуд отмечает, что именно этот принцип лежит в основе современного законодательства, регулирующего долги и банкротство, — нельзя изъять у человека средства, которые ему необходимы для его профессии или дела.

В XVI веке в Европе смягчаются ограничения на взимание процентов. Сначала Мартин Лютер заявляет, что христианин должен иметь право давать свои деньги в рост. Чуть позднее с этим соглашается Жан Кальвин, оговариваясь, что процент должен быть разумным, и в 1547 году в Женеве вводят пятипроцентную ставку. В Англии против регулирования про-

центной ставки государством выступает философ Джон Локк. Страны, где доминировал протестантизм, снимают ограничения в XVII веке, католические — в XVIII.

Новые веяния по отношению к предоставлению кредита нашли отражение в сатирическом романе Франсуа Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль” (1533). Пантагрюэль занимает консервативную позицию: по его мнению, иметь долги — плохо. При этом он ссылается на Писание и авторитет древних: “В апостольском послании прямо говорится: «Не оставайтесь должными никому и ничем, кроме взаимной любви». <...> персы были правы, утверждая, что второй порок — лгать, а первый — быть должным”.

Давать займы нужно в исключительных случаях. Выразитель новых настроений в романе Панург — герой плутоватый и неразборчивый в средствах, но олицетворяющий здравый смысл. Он весь в долгах, потратил доходы от недвижимости, которой управляет, за три года вперед, освободиться от долгов не собирается и даже сочиняет речь в защиту должников в духе сатирического панегирика Эразма Роттердамского “Похвала глупости” (1511). За должника будут молиться кредиторы, чтобы Господь ниспослал должнику “мирную, долгую и счастливую жизнь”. Кредиторы — это льстецы и прихлебатели должника. А в мире без долгов “тотчас нарушится правильное течение небесных светил”, “между стихиями прекратится всякое общение”. “Земля не будет производить воду, вода не будет превращаться в воздух, воздух — в огонь, огонь перестанет греть землю. Земля ничего не будет рождать.. Дождь перестанет дождить, свет светить, ветер веять, не будет ни лета, ни осени”.

Если же сравнивать экономику не с Вселенной, а с человеческим организмом, то без кредита прекратится кровообращение. А с кредитом даже ребенок рождается, то есть приращение плоти будет. Иными словами, кредит — двигатель экономики.

Авторы “Энциклопедии Рабле” считают, что Панург в этой части текста выражает мысли самого автора, а слова в защиту долга он намеренно — и в духе эпохи — вложил в уста придурковатого героя¹.

Действие повести “Гобсек” (1830) Оноре де Бальзака происходит в конце 1820-х в Париже. Евреев давно уже перестали преследовать, но они по инерции продолжают прятать свое богатство. Гобсек, уронив на лестнице двойной наполеондор, содержащий 10,6 грамма чистого золота, отказывается принять монету у спускающегося следом жильца: “Это не моя! Золото! У меня? Да разве я стал бы так жить, будь я богат!”

Проследим, каких уровней достигали процентные ставки ростовщиков после того, как их перестали регулировать. Ростовщик Торквемада, герой трилогии о Торквемаде (1893–1895) испанского писателя Бенито Переса Гальдоса, действие которой разворачивается в конце XIX века в Испании, обслуживает клиентов “с известной щедростью, из расчета реал за каждое дуру² в месяц, иными словами, из шестидесяти процентов годовых”. Один дуру равнялся 20 реалам. Получается, что Торквемада брал 12 реалов, если ссужал 20. Однако проценты он считает неверно. Могло быть 60%, если бы все проценты уплачивались в конце срока. С учетом же того, что они вносятся ежемесячно и с учетом сложных процентов, то есть начисления процентов на проценты, ставка составляет все 80% годовых.

В романе Эрскина Колдуэлла “Табачная дорога” (1932), где рассказывается о жизни бедняков плантаторского Юга США во время Великой депрессии, приводятся условия кредитова-

1 The Rabelais Encyclopedia / edited by Elizabeth Chesney Zegura. Westport: Greenwood Press, 2004. P. 48–49.

2 Народное название песеты.

ния фермера Джиттера, занимающегося хлопком. Ранней весной ему нужен кредит под закупку семян и удобрений. Банк кредит не дает, потому как Джиттер не может предоставить залога. И тогда он идет в ссудную компанию (a loan company), которая мало отличается от ростовщической. Джиттер занимает 200 долларов на десять месяцев под 3 % процента в месяц или 30 % (считают простые проценты, видимо, чтобы заемщикам понятнее было). Это не так ужасно, однако он должен вносить проценты ежемесячно, а деньги будут, только когда он соберет урожай. Штраф за просрочку составляет еще столько же — 30 % от суммы займа. “Для гарантии того, что заем полностью обеспечен”, с Джиттера требуют еще фиксированную комиссию в размере 50 долларов, которую при этом называют комиссией за выдачу кредита. Видимо, есть какие-то еще комиссии и платежи, потому что, когда приходит время окончательного расчета, Джиттер выплачивает по ссуде более 300 долларов. Каковы дополнительные комиссии и платежи, не сообщается. Но понятно, что это не менее 50 % за 10 месяцев или почти 63 % годовых. Джиттеру остается всего семь долларов, но тут он вспоминает, что арендовал мула для запашки поля за 10. В итоге — минус три.

В романе Уильяма Фолкнера “Деревушка” (1940), действие которого разворачивается в период с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX, один чернокожий герой рассказывает другому, как он успешно прокредитовался у местного лавочника мистера Сноупса, который весьма охотно дает займы: “Мне он вот уж больше двух лет назад дал пять долларов, и я одно знаю — каждую субботу несу ему в лавку десять центов. А про пять долларов он ни разу и не вспомнил”. Это 2 % в неделю, или 180 % годовых. Конечно же, Сноупсу выгодно “забыть” об основной сумме долга, если он исправно обслуживается.

В романе Артура Хейли “Колеса” (1971), рассказывающем об автомобильном заводе в Детройте 1950-х или 1960-х годов,

один из главных героев по имени Ролли, который работает на конвейере, имеет приработок: он выбивает деньги из рабочих, перекредитовывающихся у неких дельцов до полочки (она каждую неделю). В понедельник они занимают 20 долларов, а в пятницу отдают 25. 20 % за пять дней — это 550 % годовых. Как мы видим, никакого падения процентной ставки во времени не наблюдается.

Посмотрим, как обстояло дело в России. Торквемада со своими 80 % годовых просто душка на фоне старухи-процентщицы из “Преступления и наказания” (1866): она берет по гривне с рубля при ссуде на месяц, то есть за те полтора рубля, что просит Раскольников, с него причитается пятнадцать копеек или 10 % в месяц. Это 120 % в год простых процентов или 214 % годовых с учетом сложных процентов. Дополнительная тонкость в том, что старуха просит проценты “за месяц вперед-с”. Это немного повышает процентную ставку. Представьте, что Раскольников занимает деньги всего на месяц. Он занимает рубль и тут же отдает 10 копеек процентов вперед. Через месяц ему нужно вернуть рубль. Получается, что на самом деле герой занял 90 копеек и заплатил на них 10 копеек процентов, а это уже 11,1 % в месяц или 257 % годовых! Однако последней каплей становится не сама ставка — вряд ли Раскольников, как и заемщики Торквемады, осознавал, сколько годовых он платит. Раскольникова выводит из себя, что старуха оценивает всего в полтора рубля отцовские часы, под залог которых Родион Романович просит четыре. С другой стороны, хорошо, что она вообще приняла в залог часы. Рассказчик в повести Достоевская “Кроткая” (1876) — ростовщик, ничего кроме золота и серебра не берет, а его конкуренты — “Добронравов и Мозер” — и вовсе принимают только золото.

Впрочем, встречаются ставки и побольше. Обидно, что рекорды опять бьет русская литература. В рассказе “Хорь и Калиныч” из книги Тургенева “Записки охотника” (1852) описывается, как крестьяне кредитуются перед полевыми работами: “...каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек — полтора рубля ассигнациями; в долг — три рубля и целковый¹. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается”. Будем грубо считать, что “человек в кафтане” берет 4 руб. вместо полутора за предоставление кредита на три недели. Это 267% за короткий период. Это сотни тысяч годовых! Правда, экстраполяция здесь не годится — так заработать можно только раз в году.

Может, у мужиков безвыходное положение? Да нет же! “Иные помещики вздумали было покупать сами косы на наличные деньги и раздавать в долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольными и даже впали в уныние; их лишали удовольствия щелкать по косе, прислушиваться, перевертывать ее в руках и раз двадцать спросить у плутоватого мещанина-продавца: «А что, малый, коса-то не больно того?»”

1 Серебряная монета в один рубль.

